

Р.С. Войтехович

Цветаева и Штайнер: заметки на полях одной книги

В 1996 году увидела свет книжечка Татьяны Кузнецовой "Цветаева и Штейнер: Поэт в свете антропософии". Многие, взявшие ее в руки, были разочарованы: в книге, действительно, говорилось о Цветаевой в свете антропософии. Такая постановка вопроса озадачила тех, кто не осознавал разницу между подходом антропософским и филологическим и ждал от книги анализа цветаевской рецепции идей Штайнера (об обратном влиянии говорить не приходится)¹. Татьяна Кузнецова мало интересуется подтекстами, - ее привлекает духовная типология. Поэтому параллели, указанные ею, представляются филологу произвольными и требующими вторичного пересмотра уже в свете филологии. Работа эта была бы бесполезна, но задачи настоящей статьи более скромные - указать на ряд идей и образов, трактовка которых с привлечением штайнерского подтекста становится яснее или полнее. Первый случай, избранный нами, - самый очевидный и доказывает, что сама постановка проблемы возможна, два других - более гипотетические, но и более интересные, так как затрагивают вещи малоисследованные.

КОНТЕКСТ

Но прежде чем мы перейдем к рассмотрению этих параллелей, коснемся некоторых биографических обстоятельств. Здесь надо отдать должное и в вводной части книги Татьяны Кузнецовой. В ней достаточно полно очерчен круг русских антропософов близких Цветаевой и компактно изложены факты, свидетельствующие об интересе Цветаевой к Штайнеру, известные на момент выхода книги. С тех пор, однако, появились сводные тетради и записные книжки Цветаевой, которые проливают дополнительный свет на историю отношения Цветаевой к Штайнеру и в целом заставляют пересмотреть старые представления об интеллектуальной биографии поэта.

Теперь стало ясно, что Цветаева читала Штайнера уже в 1917 г., то есть задолго до того, как впервые увидела его в Праге в 1923 г. Известны стали и непосредственные впечатления Цветаевой, как от чтения Штайнера, так и от лекции, прослушанной в Праге 30 апреля 1923 года.² Они мало отличаются друг от друга и от характеристики, данной в "Живое о живом": "<...> сам Рудольф Штейнер - своя собственная тайна (тайна собственной силы), не оставшаяся у Штейнера ни в писаниях, ни в учениках <...>" [11, с. 191]. Правда, высказанное Цветаевой "наедине с самим собой" отмечено большей эмоциональностью.

По поводу прочитанного Цветаева пишет с явным раздражением: "Почему Штейнер, если он ясновидящий, не видит, как скучны его произведения?" (ЗК I,152). О том, с какими чувствами Цветаева слушала лекцию Штайнера, свидетельствуют записки к мужу: "1) Как в церкви! 2) Посрамляет естество<енные> науки. 3) Скоро уйдем. 4) Совсем не постарел с 1919 г." На жалобный ответ мужа следует записка: "Терпи. Накормлю яичницей". Ясновидение Штайнера в очередной раз подвергается сомнению: "Если Шт<ейнер> не чувствует, что я (Психея!!!) в зале - он не ясновидящий" [10, с. 284]. И т. д. Это напоминает реакцию на книгу Э. Родэ "Психея: культ души и вера в бессмертие у греков", о которой Цветаева долго мечтала, а получив, написала, что Психея из этой книги "отлетела" [12, с. 702].

Что раздражало Цветаеву в Штайнере, совершенно понятно, - именно то, что привлекало к нему и продолжает привлекать многочисленных сторонников оккультизма: соединение мистических "знаний" с пафосом "научности", стремление доказать с помощью данных науки, что "чудо есть" (из стихотворного послания М. Волошина юной Цветаевой).³ Однако научность оккультизма, как правило, стоит в оппозиции к рациональным и материалистическим теориям своей эпохи, привлекая на свою сторону отсеянные прогрессом концепции. Так, Штайнер утверждал, что в духовном плане система Птолемея вернее системы Коперника и не человек произошел от обезьяны, а обезьяна от человека (за подробностями отсылаю к записи лекции "Геккель, мировые загадки и теософия" и другим работам Штайнера [13]).

Это же оттолкнуло в свое время Блаженного Августина от основателя манихейства.⁴ В пятой книге "Исповеди" Августина Цветаева могла прочитать: "Кто, однако, требовал, чтобы какой-то Мани писал об этих предметах? <...> Проповедовать мирское знание, даже хорошо себе известное, дело суетное; исповедовать Тебя - это благочестие. Сбившись как раз с этого пути, он много говорил по вопросам научным, и был опровергнут настоящими знатоками. Ясно отсюда, каким могло быть его разумение в области менее доступной" [1, с. 122]. Цветаеву влекла тайна "силы" Штайнера, а в учении его она ничего оригинального и интересного не находила. Так и у Гёте Цветаевой "мешало" его учение о цвете [9, с. 435]. И дело не только в том, что это учение расходилось с теорией Ньютона, - думается, и открытие межчелюстной кости (бесспорное достижение Гёте в науке) не вызывало в Цветаевой восторга, ведь "силу" его Цветаева видела в другом.

Вообще, все, что относится к жизни души (Психеи) волновало и притягивало ее. Пережив разочарование в религиозных истинах в пору юности, о чем недвусмысленно свидетельствует одно из писем к В. В. Розанову ("...я совсем не верю в существование Бога и загробной жизни". - из письма от 7 марта 1914 г. [11, с. 120]). Цветаева искала возможности их чем-то заменить.⁵ Цветаева тоже искала доказательства, что "чудо есть", но не научного, а практического. Так сказать, доказательства "от Фомы". Известно, что Цветаева читала немецких мистиков, Гёте, Якоба Бёме, возможно "Славянскую книгу Еноха Праведного" (предположение Вяч. Вс. Иванова), романы "Огненный ангел" Брюсова, "Графиня Рудольфштадт" Жорж Санд и "Записки врача (Жозеф Бальзамо)" Дюма, живописующие деятельность тайных обществ, великих алхимиков и магнетизеров.

На фоне этого айсберга, о котором мы можем судить только по его видимой части, сочинения Штайнера представлялись Цветаевой лишь вялым пересказом. К тому же, она, видимо, искала в Штайнере способностей великого Калиостро⁶, действие "силы" которого красочно и детально описано в серии романов Дюма, посвященных эпохе Великой Французской Революции ("Жозеф Бальзамо (Записки врача)", "Ожерелье королевы" и др.). В проекции на Калиостро видится нам и смысл замечания Цветаевой о том, что Штайнер должен видеть "Психею" в зале. Калиостро сам не видел сквозь время и пространство, - это делала находящаяся в его подчинении душа (Психея); но Калиостро всегда безошибочно находил эту душу.

После всего сказанного может показаться, что поиск антропософского подтекста у Цветаевой - дело бесперспективное. Это не так. Цветаева все же была знакома с антропософией в изложении своих друзей и знакомых. Не случайно она писала, что "многих штейнерианцев и нескольких магов знала" [11, с. 191]. Возможно, Штайнер потому и казался Цветаевой скучен, что с "элементарной пропагандой антропософии" [10, с. 284] она познакомилась до непосредственной встречи с текстами и личностью Штайнера.

Штайнер занимал свое место в широком интеллектуально-художественном контексте, в котором рождалось цветаевское творчество. Тексты Штайнера полезно изучать хотя бы как аккумуляцию популярных для своего времени оккультных идей, с которыми Цветаева могла познакомиться и через другое посредничество. Поэтому регистрация переключек в системах образов Штайнера и Цветаевой безусловно полезна и поможет в дальнейшем восстановить детальную картину знаний Цветаевой об оккультных предметах.

1. СЕМЬ НЕБЕС

Рассмотрим теперь первый пример переключки антропософского дискурса и содержания цветаевской поэзии - модель семи небес в "Поэме воздуха". На нее в свое время указал Вяч. Вс. Иванов в краткой, но содержательной заметке [6], основная гипотеза которой связана с предположением о влиянии на Цветаевскую модель "Славянской книги Еноха Праведного", где описывается странствие Еноха через семь воздушных. Связь с Цветаевой подтверждается тем, что небеса в "Книге Еноха" названы "воздухами", и тем, что их семь.

К сожалению, о знакомстве Цветаевой с "Книгой Еноха" ничего не известно. Зато известно, что Цветаева читала "Сад Эпикура" Анатоля Франса⁷, где на первой странице описывается модель небес, состоящая из двенадцати "сфер". Встречаются модели, состоящие из девяти и другого количества воздушных, число семь не выделяется частотностью. Не вызывает также сомнения знакомство Цветаевой со стихотворением Гумилева "Душа и тело", где число семь характеризует образ растущего сквозь вселенные бога:

Ужели вам допрашивать меня, <...>
 Меня, кто, словно древо Игдрозиль,
 Пророс главою семью семью вселенных
 И для очей которого, как пыль,
 Поля земные и поля блаженных?

- едва ли древо Игдрозиль не источник "баобаба" из "Поэмы воздуха".

При ближайшем рассмотрении роль мистической интерпретации числа семь представляется более весомой, а влияние "Книги Еноха" факультативным, если оно даже имело место. О мистике числа семь Иванов пишет осторожно: "...кажется возможным, что <...> она познакомилась с идеями антропософии Р. Штейнера, для которого семь (в связи с символикой металлов и планет) лежало в основе понимания человека и мира" [6].

В действительности, символика числа семь у Штайнера не ограничивается областью металлов и планет, что не может не бросаться в глаза даже совершенно стороннему наблюдателю, каким и была Цветаева. Числом семь у Штайнера измеряется почти все. Показательна отповедь недоброжелателям, критиковавшим архитектуру Гётеанума, театра и штаб-квартиры международного антропософского движения:

"Были также люди, говорившие, что раз мы поставили семь колонн, видите ли, семь колонн с каждой стороны в главном помещении, то мы все являемся очень суеверным обществом; ибо мы верим в мистическое число семь.

Конечно, можно считать суеверным и того, кто видит семь цветов в радуге. Следовало бы, собственно, назвать суеверной и природу, виновницу этого" [13, с. 383-384].

Убедительно, пока речь идет только о колоннах. Но вот о молитве "Отче наш":

"<...> и как свет являет себя в мире в семи красках, а звук в семи нотах, так и семирично восходящая к Богу человеческая жизнь выражается в семи различных чувствах возвышения, относящейся к семичленной природе человека, в семи прошениях молитвы "Отче наш"" [13, с. 300].

Из лекции об Апокалипсисе:

"Книга с семью печатями будет раскрыта. Седьмая великая эпоха земли наступит. Придет седьмая, великая победительная коренная раса Земли. Таким образом, семь цивилизаций осуществят то, что было сокрыто в человеке, - книге о семи печатях, о которой говорится в Апокалипсисе" [13, с. 254].

Лекция "О тайне смерти" начинается следующим образом:

"Существует семь тайн жизни, о которых до самого последнего времени никогда не говорилось нигде, за исключением оккультных братств. <...>

1. Тайна бездны.
2. Тайна чисел (которую можно познать в учении Пифагора)
3. Тайна алхимии (раскрывается в эзотерике Парацельса и Якоба Бёме).
4. Тайна смерти <...>
5. Тайна зла.
6. Тайна Логоса.
7. Тайна божественной благодати (самая оккультная из всех тайн)" [13, с. 240].

Из лекции "Логос и человек":

"Каждое из семи состояний сознания проходит через семь царств: через три элементарные, через минеральное, растительное, животное, человеческое; каждое царство проходит через семь состояний формы

(глобусов), следовательно $7 \times 7 \times 7 = 343$ метаморфозы, через которые проходит человек" [13, с. 224].

Такое отношение к семантике числа семь Штайнера объясняет то всеобъемлющее значение, которое приписано ему в "Поэме воздуха":

Семь - пласты и зыби!

Семь - heilige Sieben!

Семь в основе лиры,

Семь в основе мира.

Раз основа лиры -

Семь, основа мира -

Лирика. <...>

Для этого отрывка актуальна и связь с темой числа "семь" в переписке с Р.-М. Рильке, но Рильке и сам ассоциировался у Цветаевой со Штайнером: не случайно Штайнер и Рильке возникли вместе в одном сне Цветаевой, о котором Цветаева писала Пастернаку по смерти Рильке. Штайнер и Рильке, как носители "силы" и "знания", представлялись Цветаевой, видимо, сопоставимыми величинами. Говорят и о пифагорейской традиции, но это верно тоже только через преломление в штайнерианстве (пифагорейцы насчитывали больше "сфер"). Важен и русский паремиологический контекст, но в переписку с Рильке он попал только благодаря совпадению с мистической интерпретацией, усмотренной в словах Рильке.

Выявление штайнерианского подтекста в случае символики числа семь в "Поэме воздуха" интересно нам не только само по себе, но и как опыт, который с очевидностью доказывает возможность и необходимость изучения антропософского контекста в случае Цветаевой (до сих пор эта область оставалась в небрежении или вызывала к жизни исследования принципиально иного толка) и делает более убедительными две другие параллели, которые мы рассматриваем ниже.

2. СИВИЛЛА

Еще один образ, получающий дополнительное объяснение в контексте сочинений Штайнера, - это Сивилла из одноименного цикла 1922-1923 гг.. Как и все наиболее важные образы и символы Цветаевой, Сивилла имеет не один, а целую сеть источников. Образ этот сложен и загадочен.⁸ Загадку, в частности, представляет то, что Сивилла - мать и дева одновременно (то есть соотносится с Девой Марией). Это откликается и в других текстах, связанных с Сивиллой. Высказывалось предположение, что речь идет о Тибуртинской Сивилле, предсказавшей Цезарю Августу рождение младенца Христа [7] (это один из популярных сюжетов в живописи). Но цветаевская сивилла не предсказывает, а вынашивает дитя.

Правда есть очень важная особенность: дитя цветаевской сивиллы - дитя ее духа, а не плоти. Так Цветаева "усыновляет" актеров студии Вахтангова и критика

Бахраха, скала усыновляет Ромула в цикле "Час души", неназванная "сивилла" носит под шалью Будущее в цикле "Под шалью".⁹

Прецедент совмещения в одном контексте образов матери и Сивиллы есть в любимом Цветаевой романе Жорж Санд "Графиня Рудольштадт". Здесь мать Альберта Рудольштадта, мужа главной героини, инсценирует свою смерть и становится во главе могущественного ордена Невидимых. Она незаметно участвует в воспитании своего сына, на которого Невидимые возлагают большие надежды. Сначала в тексте она сравнивается с Сивиллой, а затем именуется Сивиллой по преимуществу. Может быть это подтекст к стихотворению "Друзья мои, родное триединство":

Я слушаю вас с нежностью и грустью,
Как древняя Сивилла и Жорж Занд.

Но главная Сивилла Цветаевой другая, образ Графини Рудольштадт-матери, как и образ Тибуртинской Сивиллы, только удобряет для него почву:

Сивилла выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но Бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: сушь.
Все жилы высохли: ревностен муж!

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! - древо меж дев.

Державным деревом в лесу нагом -
Сначала деревом шумел огонь.

Потом, под веками - в разбег, врасплох,
Сухими реками взметнулся Бог.

И вдруг, отчаявшись искать извне:
Сердцем и голосом упав: во мне!

Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот

Час нестареющий, так в седость трав

Бренная девственность, пещерой став
 Дивному голосу...

- так в звездный вихрь

Сивилла: выбившая из живых.

Объяснение этому образу мы находим в статье Штайнера ""Фауст" Гёте как изображение его эзотерического мировоззрения", впервые опубликованной по-русски в 1907 г. [13, с. 422]. Не исключено, что эту работу Штайнера Цветаева и читала в 1917 г., поскольку Гете ее интересовал заведомо больше, чем любой современный "ясновидец". Штайнер анализирует монолог Фауста "Лес и пещера". Слова "И сам себя тогда я созерцаю / И вижу тайны духа моего" он сопровождает следующим комментарием:

В тайнах духа его раскрывается для Гёте перспектива его души. Эта перспектива не может уже замкнуться одним лишь внешним миром; она раскрывается только, когда человек спускается в душу свою. <...> Он узнает, что внутри него звучат голоса, призванные также разрешить и все внешние мировые загадки. "Невозможное - здесь сбывается". Высший факт жизни, разделение на мужское и женское, становится ключом к загадке человека. Процесс познания становится жизненным процессом, процессом оплодотворения. Душа - в глубинах своих - является женщиной, которая, оплодотворяемая мировым духом, рождает высшее содержание жизни" [13, с. 15-16].

В "Сивилле" Цветаевой мы наглядно видим процесс оплодотворения духом души и рождения "высшего содержания жизни". Собственно, цветаевская Сивилла тем и примечательна, что изображена не со стороны, как Сивилла в стихах Бальмонта, Брюсова и др., а изнутри. В этом пассаже вообще много краеугольных для Цветаевой идей, имевших, впрочем, широкое хождение: душа - женщина (Психея), влечение полов - символ стремления души к познанию, звучащие внутри голоса призваны разрешить внешние мировые загадки.

3. ЛУНА

Последнее, о чем мы хотим сказать в настоящей работе, - это штайнерианский подтекст образа Луны в пьесах "романтического" цикла Цветаевой 1918-1919 гг. Луна в ряде текстов Цветаевой отчетливо связана с душой (Психеей), которая вообще у Цветаевой "лунатичка" (ср. "Луна - лунатику", 1923). Легко проследить магическую и оккультную линию в использовании мотива Луны у Цветаевой.¹⁰ В пьесах цикла "Романтика" 1918-1919 гг. мы находим сложную мифологическую символику, в которой Луна занимает одно из центральных мест.

В пьесах цикла "Романтика" реконструируется общий метасюжет - платонизированная версия мифа об Амуре и Психее.¹¹ Особенно ярко это видно в сцене "Метель" и в диалогии о Казанове. Тут регулярно происходит метемпсихоз: Генриэтта исчезает, потом появляется во образе Девченки, а затем "саламандры"

Франциски. Герои встречаются, разлучаются, ищут, забывают, вспоминают друг друга. Все это происходит как бы под управлением Луны, которая появляется в самые решительные моменты. Луна - как бы родина двух главных героев. Из монолога Князя Луны ("Метель"):

Так же - головкой к плечу...
 Так же над бездною темной
 Плащ наклонился к плащу...
 - Юная женщина, вспомни!
 Крылья слетались на пир,
 И расставались в лазури
 Двое, низринутых в мир
 Тою же бешеной бурей.
 И потому - раньше всех -
 Мой бубенец издалече...
 Это не сон и не грех,
 Это последняя встреча.

Кроме того, что "Луна" - родина разлученных "платоновых половин", символ гармоничного сочетания "мужского" и "женского" в человеке (у алхимиков, в психоанализе) или метафора бесполости / однополости как залога духовного роста (например, у Розанова в "Людах лунного света", где отношение к этому двойственное), Луна еще и родина людей в прямом смысле - по Штайнеру. Но у Штайнера она именуется "древняя Луна". Подробно об этом можно прочитать в лекции Штайнера "Эволюция Земли", прочитанной в Париже 11 июня 1906 г. [13, с. 227-234]. И как раз вместе с отделением Луны от Земли, по Штайнеру, и произошло разделение человека на два пола. Частным подтверждением актуальности этого контекста служит эпитет Франциски - "саламандра". Саламандра - дух, живущий в огне. Ср. у Штайнера:

На Земле человек дышит воздухом - газом. На Луне он дышал огнем. <...> Ранее, когда человек дышал не в воздухе, а в огненной атмосфере на Луне, он вдыхал божественное из огня. Отсюда оккультное предание о сынах Огня, духах Огня, управлявших людьми в начале [земной] человеческой эволюции. Позднее человек стал вдыхать духовное вместе с воздухом [13, с. 231].

Таким образом, в пьесах цикла "Романтика" отразилась идея Луны как "родины" современного человечества, память о которой доступна духовно одаренным "андрогинным" персонажам, к числу которых принадлежат Генриетта, Князь Луны и другие персонажи Цветаевой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели три случая, когда антропософские идеи, как нам кажется, проясняют содержание цветаевских поэтических текстов. Четкой связи между ними нет, но эклектизм здесь естественное следствие как двойственного отношения к Штайнеру (Цветаеву притягивает миф о "тайновидце" и отталкивает сама теория, позитивная и положительная, но "посрамляющая" естественные науки), так и природа самого оккультного дискурса. Подобно Кузмину, Цветаева отчасти подражала "методу" оккультных наук, отчасти пользовалась багажом оккультных образов:

"То, что в исследованиях самых различных ученых представало как логически выстроенная последовательность доказательств <...>, то в сочинениях оккультистов <...> становилось единым полем для создания собственного мифа, свободно использующего различные топосы и логики, прихотливым образом соединяя их в ассоциативные цепи. И для Кузмина <...> подобное отношение вполне могло представляться художественно плодотворным". [с. 172]

Сказанное Н. А. Богомоловым о Кузмине можно отнести и к Цветаевой.

Литература

Блаженный Августин. Исповедь / Перев. с латинского М. Сергеенко. М., 1992. С. 122.

Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 16.

Войтехович Р. Еще раз о Сивилле Цветаевой // Парадигмы: Сб. работ молодых ученых. Тверь, 2000. С. 159-172.

Войтехович Р. Три заметки на тему "Цветаева и Волошин" (Москва) // Марина Цветаева: Личные и творческие встречи, переводы ее сочинений. М., 2001. С. 144-157.

Войтехович Р. Цветаева и Гераклит // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV. Новая серия. Тарту, 2001. С. 236-246.

Иванов Вяч. Вс. "Поэма воздуха" Цветаевой и образ семи небес // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры: В 2-х т. Т. 2. Статьи о русской литературе. М., 2000. С. 649.

Уфимцева Н. П. Античный мир как средство поэтического самоутверждения М. Цветаевой (Лирический цикл "Сивилла"). // "...Все в груди слилось и спелось": Пятая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9-11 октября 1993 г.): Сборник докладов. М., 1998. С. 227-232.

Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Спб., 1999. С. 199-224.

Цветаева М. И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т.: Т. 1. М., 2000-2001.

Цветаева М. И. Неизданное. Записные книжки: В 2 т.: Т. 2. М., 2000-2001.

Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т.: Т. 4. Л.-М., 1994.-1995.

Цветаева М. И. Собрание сочинений: В 7 т.: Т. 6. Л.-М., 1994.-1995.

Штейнер Р. Из области духовного знания или антропософии. Статьи, лекции и драматическая сцена в переводах [с нем.] начала века. М., 1997.

Примечания

1 Между тем Цветаева показана в книге Кузнецовой не столько младшей современницей Штайнера и потенциальным реципиентом его идей, сколько конгениальным ему феноменом.

2 Теперь уже стало окончательно ясно, что Цветаева слушала лекцию "Человеческое развитие и человеческое воспитание в свете антропософии", а не состоявшуюся 27 апреля "Вечность души в свете антропософии".

3 Речь идет о принципиальных разногласиях. На поверхности же могут быть жалобы на "скуку", на "элементарность" пропаганды антропософии и пр. [10, с. 284].

4 Цветаева читала "Исповедь" Бл. Августина летом 1919 г. во французском переводе [9, с. 366].

5 Эстетика и обрядность Православия продолжали сохранять для нее свою ценность, но религиозность Цветаевой не следует преувеличивать.

6 Заметим мимоходом, что если Цветаева не нашла в жизни своего "Калиостро", то ее сестре, Анастасии Цветаевой, повезло гораздо больше, - она была близко знакома с Б. М. Зубакиным, "нарекшимся розенкрейцером высших степеней посвящения и организовавшего какое-то подобие розенкрейцерской ложи" [2, с. 16].

7 См. об этом третью часть нашей статьи [4].

8 О "темноте" как средстве цветаевской поэтики см. нашу статью [5].

9 См. подробнее в нашей статье [3].

10 О теме луны у символистов (наиболее близкий к Цветаевой контекст) см. раздел X в книге [8]. Трактовка, предложенная Ханзенем-Лёве - специфична и не может рассматриваться вне рамок его общей концепции, подбор же цитат имеет самостоятельную ценность.

11 Подробнее об этом см. в нашей статье "Цветаева и Жулавский", которая будет опубликована в материалах XI московской конференции Дома-Музея Марины Цветаевой в 2002 г.